

УДК 101.1

DOI 10.23683/2227-8656.2019.5.12

**ГЛОБАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛИЗМА
КАК ФОРМЫ
РЕГИОНАЛИЗАЦИИ
И СЕПАРАТИЗМА**

Янченкова Ольга Анатольевна

Преподаватель,
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия,
e-mail: olga-yanchenkova@yandex.ru

**GLOBAL ASPECTS
OF NATIONALISM'S
DEVELOPMENT AS A FORM
OF REGIONALIZATION
AND SEPARATISM**

Olga A. Yanchenkova

Lecturer,
Platov South-Russian
State Polytechnic
University (NPI),
Novocherkassk, Russia,
e-mail: olga-yanchenkova@yandex.ru

В статье анализируются глобальные аспекты развития национализма как формы регионализации и сепаратизма. Делается вывод о том, что национализм играет ключевую роль в политической организации и идеологической поддержке регионалистских и сепаратистских движений, которые находят в нём источник для собственной легитимации. Отмечается, что национализм в данной связи помогает не только стимулировать культурно-историческую травму сепарируемого народа, но и конструировать этнические мифы, способствующие символическому разделению народов и территориальных образований. При этом регионализм может выступать довольно слабой формой сепаратизма, причём быть вполне приемлемым и отчасти прогрессивным элементом федерализации.

The article analyzes the global aspects of the development of nationalism as a form of regionalization and separatism. It is concluded that nationalism plays a key role in the political organization and ideological support of regionalist and separatist movements, which find in it a source for their own legitimation. It is noted that nationalism in this regard helps not only to stimulate the cultural and historical trauma of the separated people, but also to construct ethnic myths that contribute to the symbolic separation of peoples and territorial entities. At the same time, regionalism can be a rather weak form of separatism, what is more, be a completely acceptable and partly progressive element of federalization.

Ключевые слова: национализм; регионализация; сепаратизм; глобализация; страна.

Keywords: nationalism; regionalization; separatism; globalization; country.

Введение

В связи с тем, что национализм зачастую интегрирует в себя этнические компоненты «обороняемого» им сообщества, отчётливо прорисовывается его связь с сепаратизмом, который, в свою очередь, подпитывается разнообразными националистическими тенденциями (Волков, 2017). Национализм, таким образом, стимулирует прежние исторические обиды, которые накопились у представителей различных окраин по отношению к действующему центру, нередко прибегая к риторике экономического обоснования предлагаемой сепарации. Однако призывы к сепаратизму, в отличие от других националистических настроений, как правило, подлежат преследованию со стороны государства. Так, например, в отечественном законодательстве сепаратизм вполне содержательно определяется как именно «публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» (статья 280.1 УК РФ). Поэтому на практике сепаратизм может проявляться не в столь радикальных, а в более смягченных формах сохранения самобытных традиций и региональных культур.

Разнообразные националистические стратегии также, как правило, оперируют уникальностью данной территории и особенностями проживающего здесь населения, но при этом не исключая из собственного дискурса гражданские компоненты, а также основанные на привлечении внимания к несправедливому распределению экономических ресурсов внутри страны (Дьяченко, 2004. С. 42). Сложившаяся ситуация может ещё больше усугубляться на общем фоне ослабления государства и его суверенитета. «В глобальном или по крайней мере глобализирующемся мире как раз из-за того, что государство с его территориальным суверенитетом перестаёт играть ведущую роль, появляется множество новых пространственных членений, локальных идентичностей и локальных солидарностей» (Филиппов, 2008. С. 18). В результате возрастает социокультурный запрос на региональные идентичности, который, правда, может проявляться и функционировать, не переходя на откровенно сепаратистские позиции.

Регионализм, сепаратизм и глобализация в развитии национализма

Вместе с тем также представляет интерес регионализм, который, с одной стороны, является слабой версией сепаратизма, а с другой – наиболее отчетливо демонстрирует тенденции глобализации (Козлов,

2018). Оказывается, что регионализм характерен для богатых территорий, которые обладают более высокими темпами экономического роста по сравнению с центральными регионами. Поэтому здесь важно учитывать, что регионализм позволяет отдельным территориям (регионам) сепарироваться, как правило, внутри крупных экономико-политических блоков, обладающих высоким уровнем экономического развития и разделения труда, таких, например, как Европейский союз. Таким образом, региональный национализм в отличие от сепаратизма ориентирован на более мирный путь реализации выдвигаемых социально-политических проектов.

При этом исследователи отмечают, что «явления сецессии и сепаратизма в странах ЕС приобретают новый, подчас неожиданный характер. Ранее сепаратистские настроения доминировали прежде всего в наиболее отсталых, бедных регионах европейских стран. Теперь же такие настроения присущи жителям скорее богатых европейских регионов с высоким уровнем жизни (события в Каталонии в 2017 г., сепаратистские тенденции в Шотландии и в области Венето на севере Италии и др.)» (Пантин, 2018. С. 51). Причём зачастую вышеописанные сепаратистские движения напрямую прорастают из системы европейского федерализма, а также длительного и довольно успешного экономического развития местных регионов под эгидой крупных военно-политических и политико-экономических блоков (НАТО, ЕЭС).

Взрыв регионализма наблюдается в границах Европейского союза, причем, как правило, в его наиболее развитых регионах. Наиболее яркие примеры регионального национализма представлены в Испании (Каталония и др. регионы – Страна Басков, Галисия), Италии (Венето, Южный Тироль) и Бельгии (Фландрия), а вот в Великобритании довольно уверенную силу набрал шотландский регионализм, который в последние годы взял курс на явно сепаратистские стратегии (Пузырёв, 2014). Причём интересно, что все перечисленные территории в той или иной степени обладают собственными этническими особенностями.

В последние годы национализм в меньшей степени распространен в крупных космополитических столицах, где он не может быть институционализирован, но активно расширяет своё присутствие в региональных городах и столицах провинций. «Политико-институциональные конфликты между центром и имеющими ту или иную степень автономии территориями свидетельствуют о регионализации политического ландшафта современной Европы» (Семененко, 2018. С. 75–76). Вышеописанные явления в сфере национальной политики в целом соответствуют развитию сетевого общества, на фоне которого признанные столицы в каче-

стве прежних центров политической власти существенно теряют прежнее значение. При этом этнические особенности выступают важной культурной программой эмансипации от официальной столицы или федерального центра.

Итак, в конце XX – начале XXI в. исследователи отмечают, что именно национализм выступает идеологией, способствующей возникновению на политической карте мира новых независимых, в том числе и непризнанных, государств (Николаев, 2010). На первый взгляд может показаться, что различные государства в процессе глобализации должны объединяться, но на практике мы видим увеличение числа независимых стран, которые сепарировались в результате действий довольно радикальных движений, в той или иной степени разделяющих националистические воззрения и не исключающих применение насилия для реализации собственной независимости.

Таким образом, провозглашая наиболее конкретные цели политической борьбы, националисты усматривают их в отделении от уже сложившихся территориальных образований с признанной государственностью. Иногда, конечно, речь может идти о сохранении автохтонного языка, т. е. развитии культурной автономии (для отдельного народа) или создании отдельного региона, который, например, будет способствовать переходу страны от унитарного к федеративному устройству, но в этих случаях мы будем иметь лишь смягченную или ослабленную форму сепаратизма (Денисенко, 2017). Именно посредством националистических идеологий происходят конструирование и поддержание национальной мечты о суверенитете и подлинной независимости.

Сепаратисты стремятся к созданию собственного малого государства зачастую из-за того, что не могут реализовать собственные амбиции в большой стране, в силу отсутствия лифтов социальной мобильности, имеющих культурных различий или даже сильной удаленности от политического центра (Сушко, 2018). Но, кроме этого, государство мыслится националистами как важная культурно-политическая машина по производству соответствующих полноценных идентичностей, которая также может существенно корректировать этнические идентичности (например, при помощи институтов образования и специфической языковой политики).

Поэтому политический максимум их стремлений может быть реализован националистами при условии создания государства, в котором должно произойти перераспределение властных полномочий, в том числе и по этническому принципу, что, к сожалению, часто неиз-

бежно при вооруженной борьбе за независимость. Более того, в ряде довольно слаборазвитых стран радикальная сепарация территорий приводила к этническим чисткам и массовому изгнанию населения, т. е. к геноциду целых этнических сообществ, которые в своём большинстве выступали против сецессии.

В данной связи вполне очевидно, что националисты, обладающие своим государством, получают доступ к источникам власти, которые ранее были монополизированы политическим центром. «Таким образом, государство является мощным “идентификатором” не потому, что оно может создавать “идентичности” в строгом смысле слова (вообще говоря, оно не может этого делать), но потому, что оно располагает материалом и символическими ресурсами, позволяющими насаждать категории, классификационные схемы и способы социального подсчета и отчетности, с которыми должны работать чиновники, судьи, учителя и врачи и которые должны иметь в виду негосударственные акторы» (Брубейкер, 2012. С. 91). При этом националисты придерживаются мнения, что относительная моноэтничность сепарируемой территории обладает потенциалом большей стабильности, в отличие от полиэтничного или даже поликонфессионального государства.

Следовательно, сепаратизм во многом основан на желании провинциалов и жителей периферии самим превратиться в столичных жителей, что особенно болезненно проявляется в условиях жестко стратифицированного унитарного государства. Таким образом, можно говорить о том, что национализм, как правило, имеет на периферии собственные центры и точки роста, аккумулирующие в себе силы сопротивления центральной власти. Поэтому нельзя исключать, что националисты в данной связи борются не только лишь за финансовые выгоды, но и за будущий символический и культурный капитал, который политически зависимый регион не может обеспечить в полной мере собственными силами (Бурдьё, 2016).

Оформление политического пространства националистами включает в себя самостоятельное приобретение специфического государственного (метакапитала) капитала, дающего как символические, так и культурные преимущества и в ещё большей степени повышающего статус местных элит. «Государство есть завершение процессов концентрации различных видов капитала: физического принуждения или средств насилия (армия, полиция), экономического, культурного или, точнее, информационного, символического – концентрации, которая сама по себе делает из государства владельца определенного рода метакапитала, дающего власть над другими видами капитала и над их

владельцами» (Бурдьё, 2014. С. 227). Оказывается, что даже с учётом трендов глобализации – частичной отмены политических границ и многих экономических барьеров – будет крайне преждевременным говорить об отмирании государства, которое по-прежнему является привлекательным институтом, способным концентрировать и управлять различными видами финансового и социального капитала.

Вместе с тем в условиях глобализации возрастает роль наиболее признанных и очевидных идентичностей, связанных с традициями того или иного этноса, его генерализованной судьбой и коллективными достижениями. «Любой переход от одного типа социальности к другому сопровождается взрывом идентичности, который фрагментирует общество, поскольку фокусируются на частных и особенных интересах в противовес всеобщему. Единственной защитной реакцией становится повышенный интерес к традиционным коллективным интеграторам (этническим, религиозным, национальным), возрождение трибалистских ценностей, которые закрепляют сферу локального» (Шевченко, 2013. С. 145). Таким образом, национализм ищет убежище в «племенных» традициях, пытаясь противопоставить локальные ценности глобальным идентичностям, а также активно обращается к дискурсам регионального патриотизма. При этом региональный национализм далеко не всегда является провинциальным в том смысле, что представляет какой-либо депрессивный регион страны с крайне низким уровнем доходов и потребления.

Культурно-исторические аспекты национализма как форма регионализации и сепаратизма

Вместе с тем зачастую определяющим для регионального национализма выступает опыт культурно-исторической травмы, который, как правило, может быть локализован в группах носителей (исторического прошлого и националистических ценностей). Более того, сама культурная травма приобретает для националистов особую ценность, превращаясь в инструмент мобилизации населения. «Группами носителей движут и идеальные, и материальные интересы; они расположены в определенных участках социальной структуры и они обладают особым дискурсивным талантом формулировать свои заявления – можно сказать, талантом “создавать смысл” – в общественной сфере. Группы носителей могут принадлежать к элите, а могут принадлежать к очерненным и маргинальным слоям общества. Они могут быть влиятельными религиозными лидерами или группами, которые большинство считает духовными изгоями. Группа носителей может выделяться

по принципу поколения и представлять взгляды и интересы молодого поколения в противоположность старому» (Александр, 2012. С. 19). Таким образом, националисты (этнофоры), организованные в группы носителей культурной травмы, постоянно поддерживают память о ней, об обидах, нанесённых данному сообществу в прошлом. При этом они способны в интересах политической борьбы реактуализировать тот самый травматический опыт, который уже стал в значительной степени забываться и не так остро переживаться основной массой населения сепарируемой территории.

В результате в обществе может быть спровоцировано межэтническое и межнациональное напряжение, черпающее силы из исторической памяти, которая, в свою очередь, подвергается мощному воздействию со стороны националистической пропаганды. «Группа носителей может быть национальной и натравливать собственный народ на некоего предположительного врага. Она может быть институциональной и представлять один определенный сегмент общества или организацию как противопоставленные другим в разделенном и поляризованном социальном порядке» (Александр, 2012. С. 19; Бедрик, 2015. С. 148). Таким образом, в национализме преимущественно представителей именно этнических меньшинств, стремящихся к сепарации, также аккумулируются романтические тенденции, направленные на восстановление связей с героическим прошлым, оживление народных традиций, порой искусственное повышение их статуса в рамках современной культуры. Кроме этого, речь может идти об изобретении новых традиций, легитимация которых отсылает к культурному наследию архаического прошлого.

Апеллирование к миру архаического опыта превращается в важный инструмент сепарирования гомогенной территории. «Действительно, в сегодняшнем нестабильном, быстро меняющемся мире в настроениях людей наблюдается повышенный интерес к корням, к традициям и обычаям предшествующих поколений, которые выступают неким символом стабильности и постоянства. Обращение к своим корням проявляется в самых различных формах: от попыток реанимации этнических традиций, религии, поисков “загадочной народной души” до стремления создать или восстановить свою собственную государственность» (Шевченко, 2013. С. 148). Вместе с тем националисты активно создают социально-политические мифы, направленные на мобилизацию населения, являющегося для них основным объектом сепаратистской обработки. При этом совершается попытка расслаивать населе-

ние по этническому либо конфессиональному принципу, внушая мнение об особых правах наиболее «коренных» жителей.

Кроме этого, националистами обосновываются права на создание собственной государственности, причем, как правило, речь идёт о том, что в историческом прошлом страны государственность уже существовала, но затем была отнята при помощи силы или хитрости (путём обмана). Вышеприведённое рассуждение демонстрирует логику генезиса теоретических представлений, характерных для всех националистов, ориентированных на сепаратизм и регионализм, показывая их общую установку, в которой задействован опыт травмированной исторической памяти, коллективным переживанием утраты некогда существовавшего государства. В данной связи национализм можно вполне представить как разновидность гражданской религии, где нация понимается как практически сакральная ценность, зачастую требующая веры выходящей за границы рациональности.

Вместе с тем национализм сепаратистских движений и региональных объединений постоянно апеллирует к ценностям демократии, зачастую представая в образе национал-демократических движений. При этом националисты требуют волеизъявления народа за отделение, которое может быть оформлено в виде вполне демократической процедуры – референдума (в качестве примера можно привести референдум об отделении Шотландии 2014 г., в результате которого шотландцы, правда, проголосовали за сохранение территориальной целостности Великобритании).

Однако нельзя сбрасывать со счетов, что национализм жив, по-прежнему дееспособен и «обретает новое лицо в демократическом сепаратизме. Он прорастает в проектах развития территорий, в практиках прямой демократии, в разных формах гражданской самоорганизации, используется как инструмент в политическом торге региональных элит за бюджетные и налоговые преференции, за большую экономическую самостоятельность и особые культурные права» (Семененко, 2018. С. 82–83). Но, с другой стороны, практики сепаратистов существенным образом расходятся с принципами демократии, поскольку они ставят во главу угла право меньшинства, которое реализует политические права в результате сепарации, но при этом игнорируя мнение жителей большинства страны.

Заключение

В целом проведенный нами анализ позволяет сделать вывод о том, что национализм играет ключевую роль в политической организации и идеологической поддержке регионалистских и сепаратистских движений, которые находят в нём источник для собственной легити-

мации. Национализм в данной связи помогает не только стимулировать культурно-историческую травму сепарируемого народа, но и конструировать этнические мифы, способствующие символическому разделению народов и территориальных образований. При этом регионализм может выступать довольно слабой формой сепаратизма, причём быть вполне приемлемым и отчасти прогрессивным элементом федерализации (а не сецессии) страны.

В контексте непрекращающегося процесса нациестроительства может наблюдаться синтез регионализма и сепаратизма, грань между которыми оказывается не всегда строго различимой. Поэтому важно отметить, что именно национализм способен выполнять основополагающую роль интегратора различных аспектов регионализма и сепаратизма, поскольку не в последнюю очередь обладает зарядом оппозиционности и несёт в себе мифологемы неприятия сложившейся исторической и актуальной социальной действительности. Кроме этого, сепаратизм может быть представлен как элемент политического шантажа, который выдвигают региональные элиты с целью добиться более выгодных экономических и других преференций от государственного центра. Значит, националистические движения, характерные для «окраин», т. е. движения региональные, всегда находятся с политическим центром в состоянии взаимодействия и культурно-символического обмена, который далеко не всегда оказывается когерентным.

Литература

Александр Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.

Бедрик А.В., Дьяченко А.Н. Ведомственный национализм в современном российском обществе: этнократия или мигрантофобия? // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 142–151.

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Бурдьё П. О государстве : курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М.: Дело, 2016. 720 с.

Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2014.

Волков Ю.Г., Лубский А.В., Воденко К.В. Роль зарубежного опыта в формировании модели национальной интеграции в современном российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2017. № 3. С. 13–29.

References

Aleksander, D. (2012). Cultural trauma and collective identity. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 3, 5-40. (in Russian).

Bedrik, A.V., D'yachenko, A.N. (2015). Departmental nationalism in modern Russian society: ethnocracy or migrantophobia? *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 4, 142-151. (in Russian).

Brubaker, R. (2012). Ethnicity without groups. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.

Bourdieu, P. (2016). On the state: course of lectures at the College de France (1989-1992). M.: Delo.

Bourdieu, P. (2014). Sociology of social space. SPb.: Aletyya.

Volkov, Yu.G., Lubskiy, A.V., Vodenko, K.V. (2017). The role of foreign experience in shaping the model of national integration in modern Russian society. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 3, 13-29. (in Russian).

Denisenko, G.V. (2017). Catalonia, Valen-

Денисенко Г.В. Каталония, Валенсия, Балеарские острова: к вопросу о культурно-языковом сепаратизме // Ибероамериканские тетради. 2017. № 1 (15). С. 90–96.

Дьяченко А.Н. Русский национализм как идеология и социально-политическая практика: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д.: РГУ, 2004. 167 с.

Козлов С.Д. Глобалистский и регионалистский дискурсы в экономической и социально-политической практике // Проблемы современной науки и образования. 2018. № 1 (121). С. 71–78.

Николаев Д.Г. Феномен непризнанных государств в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1. С. 27–41.

Пантин В.И., Лапкин В.В. Трансформация политических пространств в условиях перехода к полицентричному миропорядку // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 47–66.

Пузырёв К.С. Референдум о независимости Шотландии: каталонский резонанс // Политические институты и процессы. 2014. № 2. С. 58–72.

Семененко И.С. Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 70–87.

Сушко А.В. Исторические идеи и политические практики сибирского сепаратизма // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 192–206.

Филиппов А.Ф. Социология пространства. М.: Владимир Даль, 2008.

Шевченко О.М. Сущность и виды ксенофобии: история и современность. Ростов н/Д.: Антей, 2013.

cia, Balearic Islands: on the issue of cultural-linguistic separatism. *Iberoamerikanske tetrad*, 1 (15), 90-96. (in Russian).

D'yachenko, A.N. (2004). Russian nationalism as an ideology and socio-political practice: socio-philosophical analysis. (Candidate Dissertation, Rostov State University, Rostov-on-Don). 167 p.

Kozlov, S.D. (2018). Globalist and regionalist discourses in economic and socio-political practice. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 1 (121), 71-78. (in Russian).

Nikolaev, D.G. (2010). The phenomenon of unrecognized states in world politics. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, 1, 27-41. (in Russian).

Pantin, V.I., Lapkin, V.V. (2018). The transformation of political spaces in the transition to a polycentric world order. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 6, 47-66. (in Russian).

Puzryev, K.S. (2014). Scottish independence referendum: Catalanian resonance. *Politicheskie instituty i protsessy*, 2, 58-72. (in Russian).

Semenenko, I.S. (2018). Nationalism, separatism, democracy... Metamorphoses of national identity in the "old" Europe. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, 70-87. (in Russian).

Sushko, A.V. (2018). Historical ideas and political practices of Siberian separatism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 426, 192-206. (in Russian).

Filippov, A.F. (2008). *Sociology of space*. M.: Vladimir Dal'.

Shevchenko, O.M. (2013). The essence and types of xenophobia: history and modernity. *Rostov-na-Donu: Antey*.

Поступила в редакцию

9 августа 2019 г.